Послѣдній кошевой атаманъ

Петръ Ивановичъ

КАЛНИШЕВСКІЙ.

Д. И. Эварницкій.

Новочеркасскъ.

Типографія А. А. Карасева.

1887.

Изъ журнала „Донъ“, за 1887 г., ноябрь.

Послѣдній кошевой атаманъ Петръ Ивановичъ Калнишевскій.

Кто болѣе или менѣе вращался въ исторіи запорожскихъ казаковъ, тотъ неминуемо наталкивался на такого рода вопросъ: что за причина была того, что Запорожье, въ свое время игравшее такую огромную роль и наполнявшее своимъ именемъ чуть ли не всю Европу, было разорено и уничтожено московскимъ правительствомъ. Говорятъ обыкновенно, что Запорожье изжило свой вѣкъ, что оно сыграло свою роль, что оно оказалось лишнимъ и т. п. Но все это, на нашъ взглядъ, не больше, какъ ничего не объясняющія фразы. Мы смотримъ на это дѣло нѣсколько иначе. Уничтоженіе Запорожья вытекало органически изъ самаго хода русской исторіи. Объяснимся. Еще Иванъ Даниловичъ Калита, прототипъ русскихъ князей-собирателей, намѣтилъ себѣ двѣ цѣли въ политикѣ: централизацію и единовластіе. Великимъ московскимъ князьямъ, а потомъ и московскимъ царямъ на этомъ пути пришлось встрѣтить массу различныхъ препятствій; внутри Россіи —со стороны цѣлаго сословія удѣльныхъ князей, отдѣльныхъ, сильныхъ своимъ положеніемъ, личностей, со стороны сословія духовныхъ людей, крымцевъ, ордынскихъ татаръ; во внѣ Россіи—со стороны литовцевъ, польскихъ королей, турокъ. При всей въ то время слабости нашего отечества, при всей разбросанности его частей, при всемъ натискѣ со стороны сильныхъ сосѣдей, русское государство все-таки достигло намѣченнаго княземъ-собирателемъ пути—централизаціи и единовластія. Однако, почти параллельно съ ходомъ этого развитія русскаго государства, въ немъ развивалась неизвѣстная въ другихъ странахъ сила, казачество запорожское, малороссійское, донское, яицкое и др. Казачество въ теченіи трехъ вѣковъ играло въ Россіи громадную, чуть ли не колоссальную роль, на которую, впрочемъ, наши историки еще довольно мало обращали и обращаютъ вниманіе. Начавшись въ концѣ XV вѣка, оно въ теченіе XVI уже совершенно сложилось въ опредѣленныя формы и намѣтило себѣ совершенно опредѣленныя задачи,

дарственнымъ строемъ и въ этомъ-то состоитъ главная и существенная причина уничтоженія Запорожья. Конечно, къ этому слѣдуетъ прибавить еще и тѣ проступки, какъ нападенія на татаръ, донцевъ, какъ грабежи и разоренія, которыми нерѣдко проявляли себя запорожцы. Но все это въ тѣ времена никѣмъ и никогда серьезно не считалось проступками, а скорѣе удальствомъ и молодечествомъ. Сущность вовсе не въ нихъ. Въ этомъ отношеніи Екатерина II шла весьма послѣдовательно. Первый шагъ къ уничтоженію Запорожья былъ намѣченъ уже въ 1764 году, когда графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій долженъ былъ сложить съ себя званіе гетмана Малороссіи. Съ тѣхъ поръ украинскій сепаратизмъ пересталъ безпокоить правительство; но для того, чтобы устранить и тѣнь опасенія, нужно было разрушить самое гнѣздо запорожскихъ казаковъ, Сичу. И вотъ въ 1775 году, 4 іюня, отдано было приказаніе уничтожить Сичу и занять русскими войсками главныя мѣста Запорожья. Въ «Манифестѣ о разрушенномъ войскѣ запорожскомъ», изданномъ отъ имени императрицы Екатерины II, насчитывается шесть причинъ, за которыя московское правительство находитъ нужнымъ разъ навсегда покончить съ запорожцами. «Во первыхъ, начали они, лѣтъ за десять тому назадъ, да и въ самое новѣйшее время, гораздо далеко простирать свою дерзость, присвояя и требуя, наконецъ, себѣ, какъ будто достоянія ихъ собственности, не только всѣхъ тѣхъ земель, которыя нами черезъ послѣднюю войну отъ Порты Оттоманской пріобрѣтены, но даже и занятыхъ селеніями Новороссійской губерніи, предъявляя, будто имъ и тѣ и другія издревле принадлежали... Во вторыхъ, въ слѣдствіе такого себѣ присвоенія Новороссійской губерніи земель, дерзнули они не токмо препятствовать указанному отъ насъ обмежеванію оныхъ, воспрещая посыланнымъ для онаго офицерамъ явною смертію, но заводить и строить на нихъ самовластно собственные свои зимовники, а сверхъ того уводить еще изъ тамошнихъ жителей и изъ поселенныхъ полковъ, гусарскаго и пикинернаго, мужеска и женска пола людей... Въ третьихъ, пограбили и разорили они, запорожцы, у однихъ обывателей Новороссійской губерніи въ двадцать лѣтъ, а именно съ 1755 года, цѣною на нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Въ четвертыхъ, не устрашились еще самовластно захватить зимовниками своими пріобрѣтенныя мирнымъ трактатомъ новыя земли между рѣками Днѣпромъ и Бугомъ, присвоить и подчинить себѣ новопоселяемыхъ тамъ жителей

Молдавскаго гусарскаго полку... Въ пятыхъ, какъ же они принимали къ себѣ, не смотря на частыя имъ правительствъ нашихъ запрещенія, не одвихъ уже прямо въ козаки вступающихъ бѣглецовъ, но и людей женатыхъ и семьенистыхъ, черезъ разныя обольщенія уговорили къ побѣгу изъ Малороссии для того только, чтобъ себѣ подчинить и завесть у себя собственное хлѣбопашество, въ чемъ довольно уже и предуспѣли... Въ шестыхъ, наконецъ, тѣ же запорожцы стали распространять своевольныя присвоенія и до земель, издревле принадлежащихъ нашему войску донскому... дѣлая и симъ донскимъ козакамъ запрещеніе пользоваться оными землями, которыя уже долговременно въ ихъ обладаніи состоятъ. Всякій, здраво разсуждающій, можетъ тутъ легко проникнуть какъ лукавое намѣреніе запорожскихъ козаковъ, такъ и существенный отъ онаго государству вредъ. Заводя собственное хлѣбопашество, разторгали они тѣмъ самое основаніе зависимости ихъ отъ престола нашего и помышляли, конечно, составить изъ себя, посреди отечества, область, совершенно независимую, подъ собственнымъ своимъ неистовымъ управленіемъ, въ надеждѣ, что склонность къ развратной жизни и къ грабежу будетъ, при внутреннемъ изобиліи, безпрестанно обновлять и умножать ихъ число. И тако, по необходимому уваженію на все вышеизображенное, сочли мы себя нынѣ обязанными предъ Богомъ, предъ имперіей нашей и предъ самимъ вообще человѣчествомъ, разрушить Сѣчу запорожскую и имя козаковъ, отъ оной взаимствованное. Вслѣдствіе того, 4 іюня, нашимъ генералъ-порутчикомъ Текеліемъ, со ввѣренными отъ насъ ему войсками, занята Сѣчь запорожская въ совершенномъ порядкѣ и тишинѣ (*). Возвѣщая нашимъ вѣрнымъ и любезнымъ подданнымъ всѣ сіи обстоятельства, можемъ мы въ то же время имъ объявить, что нѣтъ теперь болѣе Сѣчи запорожской въ политическомъ ея уродствѣ, слѣдовательно же и козаковъ сего имени. Мѣсто жилища и угодья тамошнія оставляемъ мы для постоянныхъ и отечеству наравнѣ съ другими полезныхъ жителей»(**).

Ясно, что всѣ названныя шесть причинъ можно свести только къ двумъ—присвоенію и захвату чужой собственности и стремленію создать независимое управленіе. Изъ нихъ важнѣйшая—вторая; первая же относится къ такимъ причинамъ, безъ которой въ сущности ни запорожское, ни другое какое-либо войско, жившее

(*) Сича на р. Пидпильнѣ, теперь Екатеринославской губерніи и уѣзда.

(**) Ригельманъ. Лѣтопис. повѣствов. о Мал. Рос., Москва, 1847 г., ч. IV, 32—34.

безъ опредѣленнаго содержанія, не существовало и не могло существовать. Оттого русское правительство до Екатерины II никогда или почти никогда не обращало вниманія на набѣги и грабежи запорожскихъ козаковъ. «Татарина не убить, ляха не пограбить, такъ и не жить»—говорили запорожцы вездѣ и всѣмъ. Самое слово «воевать» еще въ недавнемъ прошломъ значило жечь, палить и уничтожать. Запорожцы, жившіе войной, не составляли въ этомъ случаѣ исключенія. Екатерина II понимала это больше, чѣмъ кто другой, и если въ манифестѣ указывалось на грабежи и набѣги запорожцевъ, то такое указаніе болѣе всего отвѣчало данному случаю.

И такъ, Запорожье перестало существовать. Что же сталось съ массою войска запорожскаго и старшиною его? Что касается массы, то одна половина ея переселилась на Кубань, образовавъ тамъ черноморское, нынѣ кубанское, войско; другая половина ушла въ предѣлы Турціи на Дунай и составила тамъ дунайское войско запорожскихъ козаковъ. Старшина же запорожская—войсковой писарь, Иванъ Яковлевичъ Глоба, войсковой судья, Павелъ Фроловичъ Головатый и кошевой атаманъ, Петръ Ивановичъ Калнишевскій отправлены въ разныя мѣста въ ссылку. Глоба былъ сосланъ въ Сибирь, въ городъ Туруханскъ, гдѣ скончался въ мѣстномъ монастырѣ около 1790 года. Головатый былъ отправленъ въ ту же Сибирь, въ городъ Тобольскъ, гдѣ прожилъ въ Знаменскомъ монастырѣ 20 лѣтъ и скончался на 80 году отъ рожденія. Во время заключенія надъ нимъ учрежденъ былъ двойной надзоръ,—военный и монастырскій. «Въ инструкціи, данной архимандриту Ильѣ, сказано между прочимъ, что Головатому запрещается не только посѣщать и принимать постороннихъ людей, но и ходить въ церковь. Впослѣдствіи времени, по его желанію, разрѣшено было ему посѣщать церковь въ сопровожденіи часоваго солдата, неотлучно при немъ находившагося, но съ тѣмъ, чтобы Головатый стоялъ въ церкви на особомъ отъ народа мѣстѣ, не оглядывался назадъ и по сторонамъ и при входѣ ни съ кѣмъ не разговаривалъ. На содержаніе его назначено было изъ казны въ годъ по сто рублей ассигнацій, которые выдавались ему помѣсячно; въ полученіи же ихъ, по его безграмотству, расписывались другіе (*).

Что же касается главнаго начальника запорожской Сичи, кошеваго атамана, Петра Ивановича Калнишевскаго, то и онъ, такъ же,

(*) Кіевская Старина, 1887 годъ, іюль, стр. 586.

какъ и два названные, отправленъ былъ въ ссылку, но куда именно, до послѣдняго времени не знали. Историку «Новой Сѣчи» А. А. Скальковскому мѣсто ссылки Калнишевскаго совсѣмъ не было извѣстно, и онъ гадательно высказалъ предположеніе, что, послѣ разоренія Сичи, послѣдній кошевой ея отправленъ былъ куда-то на Донъ.

«Ой полети, галко, та полети ты, чорна,
Та на Динъ рыбу исти,
Та принеси ты, галко, та принеси ты, чорна,
Отъ Калныша намъ висти» (*).

Но въ 70-хъ годахъ текущаго столѣтія П. С. Ефименку удалось отыскать слѣдъ Калнишевскаго въ Соловецкомъ монастырѣ, о чемъ онъ и сообщилъ своевременно(**). Съ тѣхъ поръ стало извѣстнымъ, что послѣдній кошевой атаманъ, послѣ паденія Сичи, съ береговъ Днѣпра отправленъ былъ въ краесвѣтную обитель на Соловецкомъ острову, гдѣ прожилъ въ ссылкѣ цѣлыхъ 27 лѣтъ: 25 лѣтъ въ заключеніи и два года на свободѣ. Положеніе его изображено у П. С. Ефименка болѣе, чѣмъ ужасно.

Крайне заинтересованный судьбою Петра Ивановича Калнишевскаго, я рѣшился отправиться лично въ Соловецкій монастырь весной 1887 года, съ цѣлью собрать о кошевомъ свѣдѣнія на самомъ мѣстѣ его ссылки. Эта поѣздка доставила мнѣ весьма интересныя и, что самое главное, совершенно неожиданныя для меня данныя. Изъ бумагъ, найденныхъ и разсмотрѣнныхъ мной въ монастырскомъ архивѣ, видно, что хотя положеніе Калнишевскаго было и не легко, но съ тѣмъ вмѣстѣ и не было такъ ужасно, какъ я себѣ представлялъ раньше. Проработавъ нѣсколько дней въ архивѣ монастыря, я прежде всего нашелъ копію съ «Указа» Екатерины II о ссылкѣ Калнишевскаго въ Соловецкій монастырь, помѣченную 1776 годомъ, іюня 10 дня, за № 1419 (***); а въ слѣдъ за этимъ нашелъ и нѣсколько бумагъ, проливающихъ свѣтъ на самое положеніе кошеваго въ ссылкѣ.

Изъ этихъ бумагъ я увидѣлъ первѣе всего то, что Калнишевскій сидѣлъ не въ острогѣ и не въ ямѣ башни Корожней, гдѣ со-

(*) Изъ пѣсенъ собственнаго собранія; записана въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, въ д. Богодарѣ.

(**) Русская Старина, 1875 г., ноябрь, т. XIV.

(***) Не привожу этого „Указа", потому что онъ цѣликомъ напечатанъ въ статьѣ П. С. Ефименка.

держались самые тяжкіе преступники, а въ монастырской кельѣ того самаго дома, гдѣ жила и вся братія монастырская, начиная съ архимандрита и кончая простыми трудниками; его кельями были попеременно то 15-я, то 14-я. Такъ, въ «Описи (,) учиненной въ ставропигіальномъ соловецкомъ монастырѣ оставшимся на зимнее пребываніе господамъ начальствующимъ (,) братіи, салдатамъ, штатнимъ служителямъ, находящимся по пашпортамъ богомольцамъ, мастеровымъ (,) наемнымъ плотникамъ и чернорабочимъ кто вкакой кельи и службахъ находится и въ какомъ послушаніи былъ (,) ниже сего ноября 13 дня 1788 года», подъ № 50 стоитъ: «*Въ 15 келье* арестантъ Петръ Ивановъ Колнишевской (;) при немъ накарауле салдатъ». Въ такой же «Описи (,) учиненной въ ставропигіальномъ соловецкомъ монастырѣ оставшимся на зимнее пребываніе господамъ начальствующимъ (,) братіи, салдатамъ, штатнимъ служителямъ, находящимся по пашпортамъ богомольцамъ, мастеровымъ (,) наемнымъ плотникамъ и чернорабочимъ кто вкакой келье и службахъ находится; какое послушаніе и работы исправляетъ ноября дня 1789 года», подъ № 46 значится: «*Въ 14 келье.* Арестантъ Петръ Колнишевской (;) караульніе салдаты». Всѣхъ келій «опись» насчитываетъ 29. Изъ того, что Калнишевскій занималъ сперва 15-ю, а потомъ 14-ю келью и изъ того, что въ слѣдующихъ за его кельяхъ жили разные монастырскіе чины, можно заключить, что помѣщеніе его было далеко не такъ ужасно. Впрочемъ, въ другихъ «описяхъ», называемыхъ иначе «Имянными списками», противъ имени Калнишевскаго не значится, сидѣлъ ли онъ въ кельѣ или въ другомъ какомъ-либо помѣщеніи. Такъ, въ «Описаніи» 1787 года, мѣсяца октября, подъ № 53 сказано: «Арестантъ Петръ Калнишевской»; а въ «Имянномъ спискѣ» 1788 года, февраля 15, подъ № 175 означено: «Петръ Колнишевскій». Но оба эти списки написаны раньше двухъ приведенныхъ и само собою даютъ поводъ спросить, не сидѣлъ ли Калнишевскій до 1788 года, ноября 13, въ какомъ-либо другомъ помѣщеніи? Это возможно; но въ какомъ же именно помѣщеніи?

Помѣщеній для преступниковъ въ Соловецкомъ монастырѣ было три: острогъ, отдѣльныя камеры и земляныя ямы. Но въ острогѣ Калнишевскій сидѣть не могъ, потому что онъ построенъ уже въ 1798 году, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ «Лѣтописецъ соловецкій»: «1615 года (построена) большая палата о двухъ ярусахъ, раздѣленная внутри продольною стѣною на двѣ половины: въ верх-

немъ помѣщеніи были иконописная и сапожная швальня, а въ нижнемъ бѣлецкая, больница и пономарская. Нынѣ зданіе сіе, 1798 и 1830 года внутри переправленное новою постройкою чулановъ, занимается содержащимися арестантами и военною командою» (*). Отдѣльныя камеры устроены въ стѣнныхъ трехъ-ярусныхъ башняхъ монастыря. Всѣхъ башенъ въ монастырѣ восемь: Корожняя или Флащевая (**), Успенская или Оружейная, Прядиленная, Никольская, Квасоваренная, Кухонная, Архангельская и Бѣлая. Изъ нихъ въ пяти башняхъ устроены отдѣльныя камеры для преступниковъ: въ Корожней—одно помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ, въ Прядиленной—одно помѣщеніе въ среднемъ этажѣ, въ Никольской —два помѣщенія, въ амбразурѣ нижняго этажа, въ Архангельской —одно во второмъ этажѣ, въ Бѣлой—два во второмъ и третьемъ этажахъ. Всѣ камеры башенъ въ общемъ похожи одна на другую и разнятся лишь однимъ размѣромъ. Вотъ первая изъ нихъ, въ башнѣ Прядиленной. Она устроена въ стѣнѣ средняго этажа башни, имѣющей девять аршинъ толщины и обращенной воротами во дворъ монастыря. Если войти черезъ широкія ворота въ средній этажъ этой башни, то тотъ же часъ налѣво можно увидѣть небольшое отверстіе; это и есть камера. Если же перешагнуть черезъ порогъ камеры, то можно увидѣть и самое устройство ея. Она имѣетъ видъ большой печи; сдѣлана аркой; въ длину занимаетъ четыре съ половиной аршина, въ ширину—два съ половиной, въ высоту съ небольшимъ два, безъ печки и безъ оконъ, если не считать окномъ небольшой, сдѣланной въ стѣнѣ щели, имѣющей высоты 5 вершковъ, а ширины 2 вершка. Камера запиралась двумя дверьми: внутренней желѣзной и наружной деревянной, обитой войлокомъ, замыкавшихся огромными двухъ-пудовыми замками. Если взять во вниманіе то, что стѣна башни, въ которой сдѣлана камера, выходитъ во дворъ, обнесенный кругомъ высокими стѣнами, если взять во вниманіе то, что противъ башни во дворѣ стоитъ старинное зданіе, почти совершенно заслоняющее собой всю стѣну ея, если принять во вниманіе то, что къ самой стѣнѣ башни придѣланъ широкій корридоръ съ очень наклонной надъ нимъ деревянной крышей, отъ которой падаетъ темная тѣнь на всю нижнюю половину стѣны, и если, наконецъ, принять въ разсчетъ и то, что стѣна, въ которой устроена щель, имѣетъ толщины почти два

(*) Лѣтописецъ соловецкій, Москва, 1833 г.

(**) На ней выставляютъ флагъ.

аршина, то можно положительно сказать, что въ камеру за 400 лѣтъ ея существованія никогда и ни одинъ лучъ солнца не попадалъ. Не забудемъ еще и того, что на всемъ Соловецкомъ острову бываютъ не только цѣлые дни, но и цѣлые мѣсяцы, когда «люди солнца праведнаго и въ очи не видаютъ».

Но были помѣщенія еще хуже. Это—ямы, устроенныя въ подземельѣ башни Корожней. Подземныя ямы только и были въ этой башнѣ. Она стоитъ въ сѣверо-западномъ углу стѣны монастырской на сравнительно возвышенномъ мѣстѣ; оттого въ ея подземелье не проникаетъ вода, тогда какъ остальныя башни стоятъ на относительно низменныхъ мѣстахъ, въ которыхъ подземелья были бы невозможны, такъ какъ здѣсь достаточно вырыть яму въ полъ-аршина, чтобы изъ нея показалась вода. Отъ этого же даже на монастырскомъ кладбищѣ, занимающемъ возвышенную мѣстность противъ южной стѣны монастыря, умершихъ монаховъ въ лѣтнее время хоронятъ въ воду. Каково устройство подземныхъ ямъ въ башнѣ Корожней, я не видалъ, такъ какъ въ настоящее время ходъ въ нее, какъ и всѣ окна ея, заложены кирпичемъ. Сдѣлано ли это въ видахъ того, чтобы устранить возможность заглядывать туда людямъ празднаго любопытства, устроено ли это съ тою цѣлью, чтобы устранить побѣгъ арестантовъ изъ острога черезъ окна нижняго этажа башни, достовѣрно неизвѣстно; во всякомъ случаѣ мнѣ пришлось очень пожалѣть, что я не могъ видѣть подземныхъ помѣщеній. По разсказамъ, эти ямы были подѣланы въ землѣ, ниже фундамента башни; стѣны ихъ выложены дикимъ камнемъ; въ нихъ не было ни тепла, ни свѣта; преступниковъ спускали туда при помощи лѣстницы, сковавъ предварительно обѣ ноги вмѣстѣ съ лѣвой рукой и оставивъ на свободѣ только одну правую руку. Опустивъ преступника, яму захлопывали лядой, вытащивъ изъ нея раньше этого лѣстницу. Въ ямѣ преступникъ коченѣлъ отъ холода и погибалъ безъ свѣта, ноги его поражались страшными язвами, въ кости проникалъ мучительный ревматизмъ, платье его превращалось въ лохмотья, ногти дѣлались когтями; тамъ на преступника нападали цѣлыми стаями крысы, и были примѣры, что нѣкоторымъ узникамъ крысы объѣдали носъ, уши и пальцы лѣвой руки; тогда монастырское начальство приказывало класть подлѣ узника большую палку, чтобы онъ могъ отгонять ею отвратительныхъ животныхъ. Но въ такія ямы сажались только самые страшные злодѣи: отцы, растлѣвавшіе своихъ дочерей, братья, насило-

вавшіе своихъ сестеръ, разбойники, промышлявшіе кровавымъ промысломъ, и т. п.

Теперь является вопросъ, гдѣ же находился кошевой Калнишевскій до помѣщенія его въ кельѣ? Мы не думаемъ, чтобы его бросили въ яму башни Корожней, такъ какъ эта яма уже въ 1742 году была замуравлена. Да и не было надобности содержать его въ тѣхъ ужасныхъ подземельяхъ, гдѣ содержались страшные преступники. Онъ не былъ злодѣемъ, не былъ извергомъ, не былъ и душегубцемъ, и потому не было надобности его и мучить; его нужно было только строго содержать, но не истязать, и потому всего естественнѣе было посадить его въ камеру, а потомъ перевести въ келью, однако подъ тѣмъ же бдительнымъ карауломъ. Только при такомъ условіи Калнишевскій и могъ прожить 25 лѣтъ; въ подземныхъ же ямахъ жизнь физически невозможна, и если тамъ проживали люди, то ужъ никакъ не 25 лѣтъ. Мы не нашли показаній, въ какой изъ камеръ сидѣлъ Калнишевскій до 1788 года; однако преданіе гласитъ, что сперва онъ сидѣлъ въ камерѣ Архангельской башни, потомъ въ камерѣ башни Прядиленной. Но и то нужно сказать: если бы намъ удалось найти всѣ описи отъ 1776 г. до 1788 г. съ полнымъ обозначеніемъ, гдѣ, кто и въ какомъ помѣщеніи былъ заключенъ, то, быть можетъ, мы бы и совсѣмъ не помѣщали Калнишевскаго въ камерѣ.

Затѣмъ изъ бумагъ, найденныхъ въ томъ же архивѣ, я увидѣлъ, что Калнишевскій содержался много иначе, чѣмъ другіе арестанты и колодники, сидѣвшіе въ соловецкомъ заключеніи. Изъ «Прихода денгамъ 1776 года іюля 29 по 1781 годъ іюня 15» видно, что Калнишевскому выдавалось на содержаніе по одному рублю на каждый день или 365—366 рублей въ годъ. Деньги получались изъ архангельскаго губернскаго казначейства, сперва на весь годъ сполна, а потомъ помѣсячно, при чемъ всякій разъ въ полученіи ихъ расписывался караульный солдатъ, бывшій при заключенномъ. „1776 года, іюля мѣсяца 29. Принято 1 московского пехотного полку отъ секундъ маіора александра пузыревскаго на производство присланному во оной монастырь на вѣчное содержаніе бывшему кошевому петру колнишевскому триста тридцать рублевъ“. „Мѣсяца августа: 1777 года, 23. Принято отъ отставного капитана михайла Барашкова, присланныхъ при сообщеніи господина архангелогородскаго губернатора головцына на произвожденіе содержащемуся вышеписанному бывшему кошевому колнишевскому съ 26 іюня

сего года по 26 іюня жъ 1778 порціонныхъ денегъ по рублю на день(;) всего триста шестьдесятъ пять рублей". ,,Мѣсяца октября 1778 года, 2. Принято отъ солдата Ільи Кашкина присланныхъ по сообщенію архангелогородской губернской канцеляріи вышеписанному жъ бывшему кошевому колнишевскому порціонныхъ денегъ по рублю на день на годичное время сего года іюня съ 26 будущаго 1779 года іюня по 26 число триста шестдесятъ пять рублей". Такъ обыкновенно писалось въ «Приходѣ» монастыря, и тутъ же въ «Расходѣ» значилось: ,,1776 года августа мѣсяца. По ордеру выдано солдату василью соханову на отдачю вышеписанному колнишевскому минувшаго іюля съ 30-го будущаго сентября по 1 число(,) щитая на день по рублю(;) ітого тридцать два рубли(.) то число денегъ тридцать два рубли солдатъ василій сохановъ принялъ іросписался". ,,1776 года декабря мѣсяца. По ордеру: выдано солдату лукѣ зубкову на производство бывшему запорожской сѣчи кошевому петру колнишевскому за прошедшіе сентябрь(,) октябрь и ноябрь мѣсяцы(,) считая на каждый день по одному рублю(,) итого девяносто одинъ рубль (,) солдатъ лука зубковъ принялъ и росписался"(*). Съ 1777 года идетъ выдача денегъ кошевому помѣсячно, но также точно по рублю на день: 31 рубль 30 и 28 рублей, считая по числу дней мѣсяца; только въ іюлѣ каждаго года выдавалось 25 рублей, за то въ августѣ опредѣлялось 67 или 36 рублей. Къ сожалѣнію, книга «Приходовъ» и «Расходовъ» монастыря прекращается на 1781 году: послѣдніе листы ея вырваны; тѣмъ не менѣе, это не даетъ никакого повода думать, чтобы означенный порядокъ выдачи денегъ нарушился впослѣдствіи. Оставшіеся листы приходо-расходной книги скрѣплены и провѣрены архимандритомъ монастыря Досиѳеемъ. Если взять во вниманіе то, что при существованіи запорожской Сичи кошевой атаманъ получалъ жалованья всего лишь 70 рублей въ годъ, а вся сичевая старшина, кромѣ куренныхъ атамановъ, получала 165 р., и если принять въ соображеніе, что одинъ рубль прошлаго столѣтія стоилъ больше десяти настоящаго, то отсюда можно понять, какимъ положеніемъ пользовался кошевой Калнишевскій во время его ссылки.

Далѣе, изъ тѣхъ же бумагъ, найденныхъ мной въ соловецкомъ архивѣ, видно, что Калнишевскій не все время сидѣлъ безвыходно въ одномъ заключеніи. Мы уже видѣли, что мѣстомъ его сидѣнія попеременно были то камера башни Архангельской, то камера

(*) Слѣдуетъ замѣтить, что караульные солдаты при кошевомъ—всѣ великороссы.

башни Прядиленной, то келья 14, то келья 15. Кромѣ того, изъ «Вѣдомости о колодникахъ бывшихъ у исповѣди и святаго причастія», ведшейся въ Соловецкомъ монастырѣ изъ года въ годъ, видно, что Калнишевскій выводился изъ тюрьмы на время великаго, а иногда и успенскаго поста, чтобы говѣть по обычаю всѣхъ православныхъ христіанъ. Такихъ вѣдомостей хранится въ монастырскомъ архивѣ больше тридцати, начиная съ 1777 года и кончая 1792 годомъ; въ этихъ вѣдомостяхъ противъ каждаго изъ арестантовъ поставлена графа для обозначенія его лѣтъ и для отмѣтки, былъ ли говѣвшій у исповѣди и пріобщался ли святыхъ таинъ. Въ такихъ вѣдомостяхъ противъ имени Калнишевскаго стоитъ обычная формула. «Бывшей Сѣчи запорожской Петръ Колнишевскій. Былъ», или короче: «Петръ Ивановъ Колнишевской. Былъ», или еще короче: «Петръ Колнишевскій. Былъ». Лѣтъ нигдѣ не обозначено. Просмотрѣвъ всѣ вѣдомости, я увидѣлъ, что Калнишевскій каждый годъ и каждый разъ во время говѣнья исповѣдывался и пріобщался святыхъ таинъ, оставляя на это время мѣсто своего заключенія.

Таковы данныя о положеніи послѣдняго кошеваго атамана во время его ссылки въ Соловецкомъ монастырѣ. Однако при всемъ этомъ не слѣдуетъ думать, чтобы Калнишевскій пользовался въ монастырѣ положеніемъ человѣка совершенно независимаго. Въ томъ же архивѣ монастыря хранится нѣсколько «Вѣдомостей о содержащихся вставропигіальномъ соловецкомъ монастырѣ колодникахъ», гдѣ противъ каждаго изъ нихъ выставлена причина ссылки преступника и предписаніе, какъ съ каждымъ изъ нихъ обращаться. Въ «Вѣдомости» 1780 года, подъ № 14 противъ фамиліи Калнишевскаго записано. «1776 года іюля 29 дня по указу святѣйшаго правительствующаго синода воисполнение высочайшей Ея Імператорскаго величества на всеподданнѣйшемъ генералъ аншефа военной коллегіи вице президента астраханской азовскои іновороссійской губерніи генерала губернатора и кавалера григорья александровича потемкина докладѣ корфирмаціи велѣно бывшаго сѣчи запорожской кошевого петра колнишевского содержать безвыпускно изъ монастыря іудалять не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія за неослабнымъ карауломъ обрѣтающихся въ соловецкомъ монастырѣ салдатъ»(*). Эта

(*) Полугодовая черновая вѣдомость о монашествующихъ и о содержащихся арестантахъ № 121.

прописка, съ нѣкоторыми незначительными измѣненiями, повторяется во всѣхъ «Вѣдомостяхъ о содержащихся колодникахъ» изъ года въ годъ.

Въ такомъ положенiи находился Калнишевскiй до 1801 года, когда на русскiй престолъ взошелъ императоръ Александръ I. Тогда «Манифестъ» императора повелѣвалъ «всѣхъ находящихся теперь и до сего самаго дня подъ слѣдствiемъ и судомъ по разнымъ мѣстамъ чиновниковъ и всякаго званiя людей, по дѣламъ, не заключающимъ въ себѣ важныхъ преступленiй, какъ-то смертоубiйства, разбоя и лихоимства, учинить отъ суда и слѣдствiя свободными». Копiя съ этого «Манифеста» хранится въ томъ же архивѣ. По этому «Манифесту» и Калнишевскiй получилъ свободу, такъ какъ въ «Запискѣ о содержащихся по вѣдомству тайной экспедицiи, подъ № 29» въ числѣ освобожденныхъ названъ и «Петръ Калнишевскiй, бывшiй запорожскiй кошевой атаманъ. Въ соловецкомъ монастырѣ». Въ настоящее время циркулируетъ между монахами Соловецкаго монастыря по поводу освобожденiя Калнишевскаго такой слухъ. Императоръ Александръ I, во время своего посѣщенiя Соловецкаго монастыря, увидѣлъ яму, въ которой содержался Калнишевскiй, пришелъ отъ нея въ ужасъ и потомъ, желая облагодѣтельствовать чѣмъ-нибудь невиннаго страдальца, спросилъ его, какой ему надо награды за всѣ понесенныя имъ бѣдствiя. «Ничего мнѣ, государь, не надо, кромѣ одного: вели построить острогъ для такихъ же страдальцевъ, какъ и я, чтобы они не томились въ земляныхъ ямахъ». И государь приказалъ построить острогъ. Но этотъ слухъ, какъ слухъ, не оправдывается уже тѣмъ, что острогъ построенъ за три года до вступленiя Александра I на престолъ (1798 году). Ходитъ также слухъ, что когда Калнишевскаго освободили изъ тюрьмы, то оказалось, что онъ уже лишился зрѣнiя. Это возможно, но вопросъ отчего: отъ темнаго ли помѣщенiя или отъ старости, или отъ того и другаго вмѣстѣ? Не забудемъ, что въ то время Калнишевскiй былъ уже въ довольно преклонномъ возрастѣ. Такъ или иначе, но, получивши свободу, Калнишевскiй пожелалъ остаться въ монастырѣ, сдѣлался послушникомъ и, проживъ два года на свободѣ, скончался.

Изъ вещественныхъ памятниковъ, оставшихся послѣ Калнишевскаго въ Соловецкомъ монастырѣ, сохраняются въ настоящее время слѣдующiе: запрестольный, четырехъ-конечный крестъ, стоящiй въ Преображенскомъ соборѣ, у окна противъ престола, великолѣп-

ное евангеліе, хранящееся въ монастырской ризницѣ, и каменная надгробная плита, положенная надъ прахомъ умершаго, во дворѣ монастыря у южной стѣны того же собора, противъ алтаря, между могилъ Авраамія Палицына и архимандрита Ѳеодорита. Крестъ имѣетъ въ вышину одинъ аршинъ и девять дюймовъ, кромѣ ручки въ тринадцать дюймовъ; онъ сдѣланъ изъ серебра чеканной работы, мѣстами позлащенъ, на немъ вырѣзаны съ лицевой стороны: плоть Спасителя, бѣлая, литая, выше ея Господь Саваоѳъ, по бокамъ Богоматерь и Іоаннъ Богословъ, внизу два ангела съ тростью и копьемъ, вокругъ четыре вѣнца и стразы, по концамъ сіяніе и херувимы; съ обратной стороны страсти Господни, чеканной работы. Ко всему этому на рукояткѣ внизу подпись: «Сей крестъ сдѣланъ вкладомъ Петромъ Ивановымъ Кошевымъ 1794 года, вѣсъ тринадцать фунтовъ (48) сорокъ восемь золотниковъ».

Евангеліе имѣетъ 17 вершковъ длины и 10 ширины; напечатано въ Москвѣ, въ 1759 году, въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны; буквы на александрійскомъ листѣ, въ 1/4 вершка величины; вѣситъ два пуда и двадцать фунтовъ, обложено серебромъ густо позлащеннымъ, унизано стразами и отдѣлано выпуклыми финифтевыми иконками. На лицевой доскѣ изображены, по срединѣ, отъ верху и до низу, моленіе о чашѣ, Тройца, преображеніе, успеніе и тайная вечеря; съ лѣвой стороны евангелистъ Матвѣй, Марія Магдалина и въ одну линію съ ней преподобный Зосима, затѣмъ евангелистъ Маркъ; съ правой стороны евангелистъ Лука, преподобный Савватій и въ одну линію съ нимъ воскресеніе, затѣмъ евангелистъ Іоаннъ. Съ обратной стороны, по срединѣ, представлены распятіе (два раза) и апостолъ Іаковъ; съ лѣвой стороны апостолы Андрей, Варѳоломей и Филиппъ; съ правой апостолы Павелъ, Ѳома и Симонъ. На серебряныхъ позлащенныхъ дощечкахъ евангелія, придѣланныхъ сверху и снизу къ корешку переплета съ внутренней стороны, вырѣзана слѣдующая надпись: «Въ славу божию устроися сие святое евангелие во обитель святаго преображение(—ія) і преподобныхъ отецъ зосимы и савватия соловецкихъ чудотворцевъ что на море окияня(—ѣ) при архимандрите ионѣ а радениемъ и коштомъ бывшаго запороцкои сѣчи кошеваго петра івановича кольнишевскаго 1801 года а всего весу 34 ѳу 25 зо(*) всеі сумы 2435». Къ этой надписи на застежкахъ евангелія прибавлено: «Стараниемъ і трудами: соловецкаго

(*) Безъ бумаги, дерева и бархата, со всѣмъ же этимъ 2 п. и 20 ф.

маностира; наместникомъ: іеромонахомъ: веніаминомъ: святое евангелие: здѣлана: московскои третей гильдие купецъ: серебреныхъ: делъ мастеръ: владимиръ: андреевичъ». То обстоятельство, что Калнишевскій уже черезъ 19, а потомъ черезъ 25 лѣтъ своего пребыванія въ монастырѣ сооружаетъ на собственныя деньги сперва крестъ, а потомъ евангеліе, остается не безъ смысла: очевидно, евангеліе сдѣлано кошевымъ въ память освобожденія его изъ тюрьмы и вмѣстѣ съ этимъ же очевидно, что кошевой не былъ сравненъ съ обыкновенными преступниками, которыхъ, при ссылкѣ, лишали всѣхъ правъ и состоянія: лишенный только правъ, Калнишевскій однако сохранилъ при себѣ деньги, на которыя купилъ для церкви крестъ и евангеліе и, нужно сказать, самые великолѣпные во всей соловецкой ризницѣ, не смотря на огромнѣйшія богатства и великолѣпіе ея.

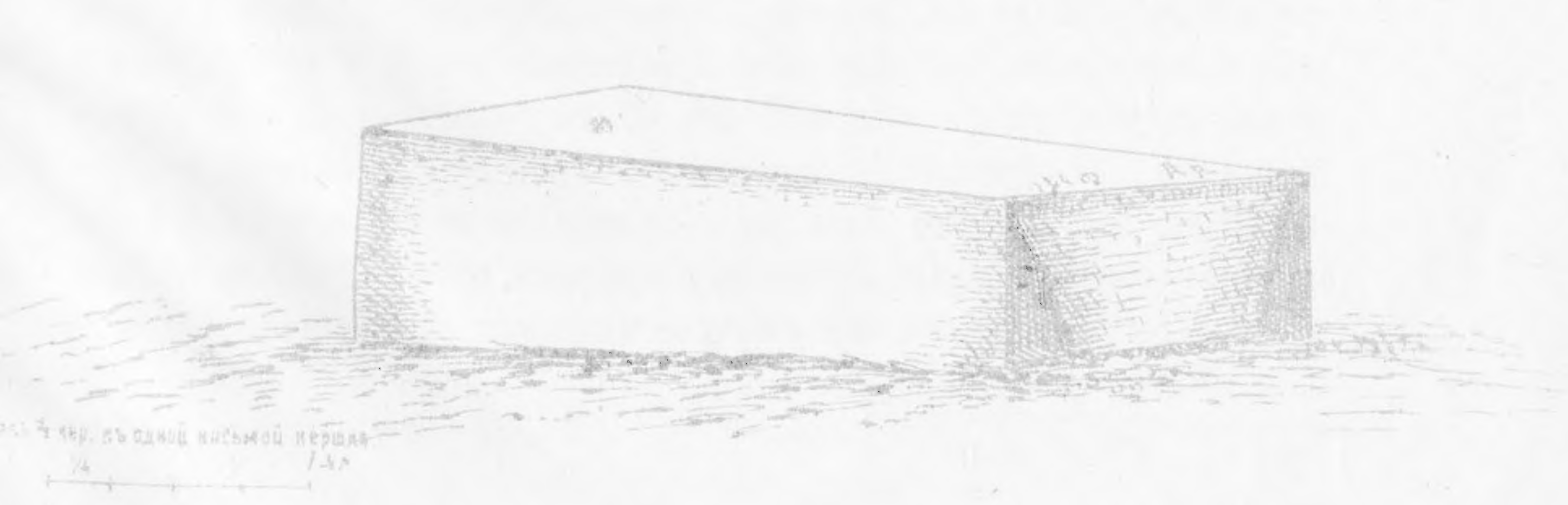
Надгробный камень, положенный надъ прахомъ кошеваго Калнишевскаго, имѣетъ видъ обыкновенной четырехъ-угольной плиты, длины два аршина и девять съ половиной вершковъ, ширины одинъ аршинъ и два вершка, вышины у подножья десять съ половиной, у изголовья—двѣнадцать вершковъ. На плитѣ сдѣлана въ 1856 году архимандритомъ Александромъ (А. А.), впослѣдствіи полтавскимъ епископомъ, слѣдующая надпись. (См. прилагаемый рисунокъ).

Въ заключеніе настоящей статьи мы позволимъ себѣ спросить: точно ли Петръ Ивановичъ Калнишевскій умеръ 112 лѣтъ отъ роду? Намъ кажется приведенное показаніе сильно сомнительнымъ въ виду того, что въ самыхъ исповѣдныхъ росписяхъ противъ имени Калнишевскаго число лѣтъ его нигдѣ не показано, тогда какъ число лѣтъ другихъ арестантовъ вездѣ точно опредѣлено. Очевидно отсюда, что и самъ кошевой не зналъ числа своихъ лѣтъ. Въ противномъ случаѣ монахъ,ведшій исповѣдныя росписи и обязанный выставлять лѣта всѣхъ преступниковъ, не преминулъ бы выставить лѣта и Калнишевскаго. Что касается до намогильной эпитафіи, то она сочинена пятьдесятъ три года послѣ смерти кошеваго, и числовая дата въ ней показана, нужно думать, по преданію. И въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы, при существованіи Сичи, 85-лѣтній старецъ управлялъ такою вольною ватагою, какую представляли изъ себя запорожскіе козаки.

Д. И. Эварницкій.

Качановка.
1887 года, 10 іюня.

„ Гдѣ нашъ Іисусъ Хрістосъ положилъ
душу свою на Крестѣ за всѣхъ
насъ не хочетъ смерти грѣшника.
Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ
почившаго Кошевого бывшей
нѣкогда за порожской грозной
сѣчи Казаковъ, Атамана.
Петра Кольнишевскаго
сосланнаго въ сію обитель
по высочайшему повеленію
въ 1776 году, на смиреніе. —
Онъ въ 1801 году по высочайшему
повеленію снова былъ освобож=
денъ, но уже самъ не пожелалъ
оставить обитель въ коей об=
рѣлъ душевное спокойствіе,
Смиреннаго Христіанина искре=
нно познавшаго свои вины. Ско=
нчался 1803 года октебря 31 дня
въ суб. 112 лѣтъ отроду, смертію
благочестивою доброю.
Блаженни мертвіи умирающіи
о Господѣ.
1856 г. А. А. „

(По рисунку автора)